

**ВАСИЛИЙ
СУРИКОВ**

ББК 85.143(2Рос-Крн)5-8
Б95

Руководитель проекта, составление, макет
Кирюшин Ю.А.

Вступительная статья
Федорова В.И., доктор исторических наук, профессор

Авторы текста
Быконя Г.Ф., доктор исторических наук, почетный профессор КГПУ им. В.П. Астафьева (гл. I, II, III)
Куклинский И.В., зам. директора по экспозиционно-выставочной работе и маркетингу Красноярского краевого краеведческого музея (гл. VI, VII)

Рецензент
Паштов Г.С., народный художник РФ, действительный член Российской академии художеств, профессор Красноярского государственного художественного института

Издательство «РАСТР» благодарит Красноярский краевой краеведческий музей и лично В.М. Ярошевскую, директора музея; историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина» и лично Н.М. Мирошниченко, заведующую домом-музеем, издательский дом «Суриков» и лично Я.А. Логинова за предоставленный для этой книги материал.

При подготовке книги использованы материалы из архивов и фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), г. Москва; Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург; Государственного архива Красноярского края (ГАКК), г. Красноярск; Российской государственной публичной библиотеки (РГБ), г. Москва; Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ); Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова; Музея-усадьбы В.И. Сурикова; Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

В книге использованы материалы для биографии В.И. Сурикова, опубликованные М.А. Волошиным в журнале «Аполлон» в 1916 году. Публикуются подлинные фотографии, сделанные в красноярских фотоателье Кешпель и Лухтанской, а также в московских и петербургских фотоателье Фишера, Асикритова, Панова, Шерер, Набгольц и К° и других.

Быконя, Г.Ф.

Б95 Василий Суриков — великий сын земли сибирской / Г.Ф. Быконя, И.В. Куклинский, В.И. Федорова. — Красноярск : РАСТР, 2018. — 216 с. : ил. с вк.
ISBN 978-5-901926-09-3

В 2018 году отмечается 170-летний юбилей великого русского художника В.И. Сурикова. Для красноярцев его имя имеет особую значимость. Он не только выдающийся земляк, прославивший Приенисейский край, для всякого русского человека В.И. Суриков в живописи, как и А.С. Пушкин в литературе, — наше все.

Всегда в жизни Сурикова главным было первородство: семья, род, родина, история своего народа, такая, какой она ему была дана свыше со всеми падениями и взлетами. Вот поэтому в предлагаемой книге ее авторы стремились раскрыть именно эти сюжеты, которые дают ключ к пониманию личности художника и скрытых кодов его творчества, а не сводят материал к биографическому или искусствоведческому анализу, каких накопилось в литературе уже немало.

Летопись жизни и творчества выдающегося художника начинается с истории его рода в виде родословного древа. Генеалогия Суриковых строится на ранее неопубликованных материалах из фондов Российского государственного архива древних актов, Красноярского краеведческого музея и Музея-усадьбы В.И. Сурикова. На них Суриков предстает во всех ипостасях своей личности: как выдающийся деятель своей эпохи и как сын, брат, муж, друг, отец. Это приближает его к нам, открывает тайны его творчества, помогает расшифровать его послание к потомкам.

© Быконя Г.Ф., Куклинский И.В., Федорова В.И., текст, 2018
© Кирюшин Ю.А., макет, 2018
© Издательство «РАСТР», 2018

ISBN 978-5-901926-09-3

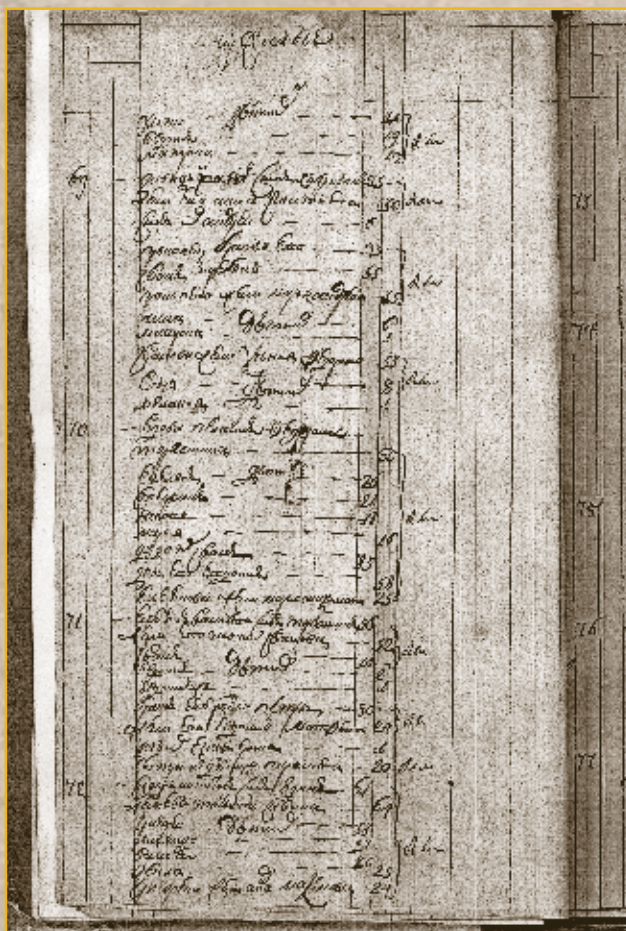
Издание осуществляется при поддержке государственной грантовой программы Красноярского края

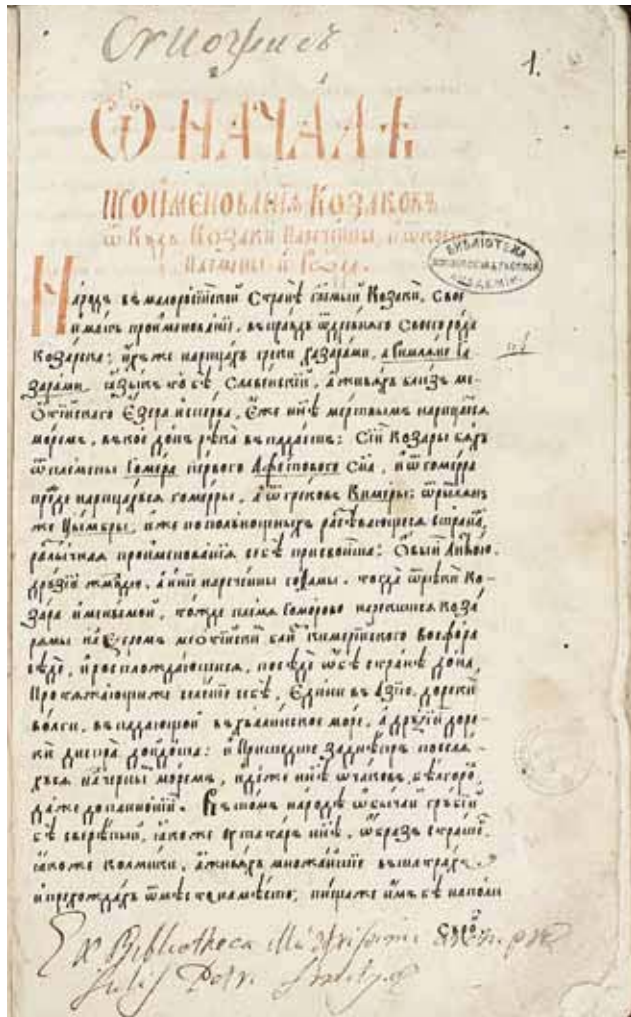
Содержание

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ – ВЕЛИКИЙ СЫН ЗЕМЛИ СИБИРСКОЙ	4
ГЛАВА 1. КАЗАЧЬЕМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ	7
Родословная красноярских Суриковых	9
Предки красноярских Суриковых-Торгашиных XVII — начала XVIII века	12
Казачьему роду нет переводу	18
Жизнь устанавливается	32
ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ	35
Детство и отрочество	36
Годы учения	45
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ШАГИ В МИР ИСКУССТВА	57
Мир молодого Василия Сурикова	58
Первые пробы кисти	67
Благо творить — благо	74
ГЛАВА 4. УЧЕБА В АКАДЕМИИ	79
ГЛАВА 5. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ	89
«УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ»	90
«МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ»	109
«БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА»	121
«ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА»	135
«ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛПЫ В 1799 ГОДУ»	141
«ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ»	150
«СТЕПАН РАЗИН»	163
ГЛАВА 6. НАСЛЕДИЕ В. И. СУРИКОВА В КРАСНОЯРСКЕ	169
К истории музеефикации и экспонирования наследия В. И. Сурикова в Красноярске	170
ГЛАВА 7. ФОТОАЛЬБОМ СЕМЬИ СУРИКОВЫХ	181
Красноярский фотоальбом семьи Суриковых	182
Посещение В. И. Суриковым I высшего начального училища в июле 1914 года	202
Василий Иванович Суриков	205
Хронология жизни и творчества Василия Сурикова	208

КАЗАЧЬЕМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ

Фрагмент исповедной книги
Воскресенской церкви Красноярска
1769 года о бытии на исповеди
казаков Торгашинных (ветвь Петра,
№ 70, и Якова, № 71).
ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 216

Рукопись «О начале проименования
козаков отъуду казаки наречены
и от коего племени и рода».
Библиотека Московской духовной
академии

Казачество в России — явление уникальное. Оно начинало складываться с незапамятных времен Древней Руси из изгоев-бродников, не ужившихся в своих мирах — общинах или с властью. Естественно, они сбивались в вооруженные артели-корпорации на южных окраинах или нейтральной территории между государственной территорией средневековой Руси, Литвы и Польши. В XVI веке основавшие «народные республики средневековья» «мужицкие рыцари» частью пошли на службу. В Польше король Стефан Баторий в реестр принял часть запорожцев. Донские и волжские казаки участвовали в Ливонской войне на стороне России. Договорные отношения с Москвой позволили казакам Дона и Яика сохранять развитое самоуправление с выборной десятичной организацией.

Родословная красноярских Суриковых

Первыми в Сибирь проложили дорогу по «Дышучему морю» — Ледовитому океану — жители русского Поморья, но решающую роль в присоединении зауральской окраины, особенно ее южной части, сыграли казаки. Оценив их преимущества, Москва сама стала «прибирать» в казаки землепроходцев из Поморья, беглых «набродных людей», направлять в наказание на службу за Урал отдельных казаков и целые их станицы. Верстали в казаки и военнопленных поляков, литовцев, украинцев, выходцев из Западной Европы, участвовавших в войнах второй половины XVI века и в Смутное время, когда Россия с трудом смогла ценой больших потерь отстоять свой суверенитет и основать свою национальную династию.

Начало Сибирскому казачьему войску положил Ермак с отрядом из 550 казаков. После взятия столицы Сибирского ханства Искера Ермак послал станицу казаков к царю Ивану IV Грозному с сообщением об этом и с просьбой принять их на государеву службу, предполагавшую казенное «хлебное, соляное и денежное» жалованье. Кстати, нет документальных свидетельств, что у Ермака был есаул Суриков, предок нашего замечательного земляка, о чем пишется на сайте «Южный берег» Википедии.

В XVII веке казачество Сибири, которое постоянно пополняли, окончательно сложилось. Оно распределялось по 20 уездам, именуясь в каждом городском центре войском. Войсковая организация оставалась традиционной: конные и пешие казаки делились на десятки, полсотни, сотни, пятисотни и сводные отряды. Командиры этих подразделений выбирались на войсковом круге, только «голова» и атаманы пеших и конных казаков согласовывались и утверждались уездными воеводами. Служба сибирских казаков сводилась, в первую очередь, к подведению коренного населения в подданство и к вооруженным действиям против несогласных признать власть «белого царя» и платить ясак соболями и другой ценной пушниной.

Основанный в августе 1628 года Андреем Дубенским Красноярский острог прикрывал русские селения, Томск с Кузнецком и Енисейск от вооруженных набегов князей енисейских киргизов и стоящих за их спинами потестарных кочевых образований западных алтын-ханов и черных калмыков с джунгарскими правителями — хунтайджи. С конца XVII века в спор за территорию Северного Присаянья вмешался цинский Китай.

Потребовалось сто лет вооруженной борьбы, перемежавшейся дипломатическими маневрами и компромиссами, прежде чем

Волок, подобный которому экспедиция Дубенского преодолела водораздел рек Кемь и Кети.

Из Краткой сибирской летописи С.У. Ремезова

Андрей Ануфриевич Дубенский. Реконструкцию по портретам владимирцев XVIII — сер. XIX в. выполнил Виктор Бахтин

Стетной всадник, XVII век

1 Мессершмидт Д. Г. Путешествие по Сибири с целью ее исследования (1720–1722 гг.) : В Красноярске. Ч. 1. Берлин-Лейпциг, 1962. С. 189. На нем. яз.

2 Бахрушин, С. В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. // С. В. Бахрушин Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 217–230.

установилась русско-китайская граница, прошедшая по вершинам Западного Саяна.

Все это время Красноярск был на острие борьбы. Он дважды — в 1667 и 1679 годах — оказывался на волосок от гибели. Казачий его гарнизон нес большие потери, постоянно пополняясь присыльными из Тобольска, Томска и Енисейска, вырос за это время с 303 до 849 человек одних верстанных казаков. Вместе с членами семей и оставленными казаками и неверстанными казачьими детьми они составляли до 70 процентов жителей Красноярска. При этом многие завели свои дворы за пределами острога, основав до 30 деревень.

Москва ценила Красноярское казачье войско и, судя по архивным данным, любезно сообщенных П. В. Баракович, в августе 1672 года пожаловала ему знамя. Из Москвы его доставил десятник Иван Сиротинин. Изготовленное в 1666 году полотнище было «дробильное» красного цвета, длиной 3 метра и шириной 2,5 метра. Края его окаймляла широкая белая лента из шелка. В самом конце XVII века на полотнище нашли красный крест. Знамя брали во время походов. Воеводы тоже брали его во время официальных разъездов. Так, Д. Г. Мессершмидт, следуя в Красноярск, был удивлен «пышным выездом в составе трех возков и 15 казаков» красноярского воеводы Дмитрия Борисовича Зубова, который поехал инспектировать построенный Саянский острог. Ученый-путешественник отметил, что впереди санного поезда скакали два казак «с большим красным знаменем, на котором были нашиты широкие белые и красные полосы»¹.

Правда, среди основателей Красноярска и казаков-«деревенщиков» Суриковых не было. Судя по тому, что они не показаны в подворной переписной книге по Красноярску с уездом 1671 года, скопированной и проанализированной отцом советского сибиреведения членом-корреспондентом Академии наук СССР С. В. Бахрушиным², Суриковы прибыли после 1679 года. Тогда киргизский князь Иреняк со своими новыми сеньорами — черными калмыками дважды осаждал Красноярский острог и сжег 16 деревень. После этого Москва увеличила гарнизоны Красноярска и Енисейска, разрешив воеводам поверстать в казаки около 200 казачьих детей, гулящих людей, крестьян и посадских. А вот казаки Торгашины, предки матери художника, появились значительно раньше Суриковых, еще в 1635 году в окладной книге Красноярского острога впервые был показан казак «Якунка Торгоша». (Об этом см. ниже.)

Занятия и социальное положение служилых людей, как тогда называли казаков, были во многом противоречивыми. Они одновременно были и воинами, и приказными, и торговыми, и работными людьми. Красноярские служилые бились, не щадя жизни, с киргизскими воинами, монгольскими и калмыцкими цыриками на стенах острога и несли в нем караульную службу; «тайгами» и степными «сакмами» (дорогами) ходили походами на «немирные земли»; собирали ясак; по году маялись на гарнизонной службе в отдаленных острожках; часто бывали в дальних приграничных дозорах

и караулах; участвовали, а иногда и возглавляли посольства на переговорах с киргизскими князьями и джунгарскими зайсанами; на городском торгу и по уездным заставам собирали таможенные пошлины с приезжих и местных торговых людей; продавали пошлинные товары и казенные «зделя»; в качестве приказчиков надзирали за пашенными крестьянами; отводили поселенцам пахотные и сенокосные угодья; сидели в воеводских избах «пищиками», счетчиками «товарной и денежной казны» и толмачами — переводчиками; были у «оценки пушной казны», на казенные нужды закупали различные припасы и «хлебный провиант»; отвозили деньги и пушнину в Москву; конвоировали ссыльных и ловили беглых. Нередко казакам приходилось откладывать в сторону пицаль, копье, саблю и братья за топор, тесло или весло, чтобы обновить или заново срубить городские укрепления, навести мост, «изладить» дощаник, карбас или лодку, сплавить лес, соль, хлеб. Им же приходилось обслуживать казенные мельницы, кузницы, мастерские, винокурни, городские часы, проезжие ворота, «стеновую» артиллерию и выполнять другие всевозможные «службы». За все это шло не очень обильное «государево жалованье». В конце XVII — начале XVIII века пешему казаку в год полагалось 5 рублей денег, чуть больше полутора пудов соли и по 40 пудов ржи и овса. Конному казаку выдавали на 10–25 пудов хлеба и 2 рубля 50 копеек больше. Даже верхушке служилых людей, сибирским дворянам и детям боярским в командных должностях атаманов и пятисотников, платили не больше 10–18 рублей. Но и эти денежные оклады, хлебные и соляные «дачи» нередко существовали только на бумаге, ибо казна и «своевольно своим лакомством» воеводы выдавали жалованье и хлебный «запас» нерегулярно и не в полном объеме.

Естественно, что в таких условиях казаки и члены их семей обращались к охоте, сбору на ближних островках дикого хмеля, к торговле с ясачными, ремеслу и, наконец, к хлебопашеству. Со всех неземледельческих занятий казна брала налог с общего дохода. С заведенной пашни каждый пятый сноп, 1/5 урожая, надлежало тоже отдать казне. Этот так называемый отсыпной или «пятинный» хлеб не взимался лишь в том случае, когда казак вместо хлебного жалованья обрабатывал не более 5 десятин пашни. Но в те беспокойные десятилетия XVII века лишь отдельные казаки-красноярцы (в начале XVIII в. — 43 человека) основательно брались за положенные в таком случае 15 десятин безоброчных угодий. Ведь даже в окрестностях города в одно мгновение можно было потерять все — и затраченные на ниву труды, и собственную голову. Поэтому многие красноярцы, по образному, но неточному выражению С. В. Бахрушина, «жили для войны и войной», то есть получали средства существования захватом иноземческой «рухляди» и «ясыря». Надежды на

Многие красноярцы, по образному выражению С. В. Бахрушина, «жили для войны и войной».

Ремезовская летопись.

Дата написания XVII–XVIII вв.

ясырь и «пограбленные животы» приводили в отряды казаков и добровольцев из числа неверстанных в службу казачьих детей и разных пришлых людей. Как свидетельствуют источники, в течение всего XVII — начале XVIII века на городском торгу перед проезжей Спасской башней постоянно продавали имущество и пленников «мунгальской, киргизской и калмыцкой породы», которых охотно «торговали» приезжие в город монгольские, калмыцкие и бухарские купцы. Их караваны верблюдов были привычной бытовой деталью для обитателей Красного Яра.

Вообще в пограничном Красноярске ярче проявлялись особенности социального развития Сибири, этой восточной окраины уже крепостнической России. Различные социальные слои формировавшегося в ней русского населения пытались жить по-своему. Казачья и вся имущая верхушка изо всех сил стремилась фактически и юридически стать дворянами-крепостниками с правом свободного распоряжения людьми и землей. В Красноярске широко бытовала купля-продажа людей, похолопливание бедняков, различные сделки с землей. Наибольшую активность в этом проявляла командная верхушка в званиях дворян и детей боярских, которым в городе принадлежали почти все дворовые люди. В их же хозяйствах были заняты работные люди и захребетники. Однако центральная власть по узкословным соображениям очень редко присваивала верхушке сибирского казачества права российских дворян, хотя их должностные звания с конца XVII века стали передаваться от отца к сыну. Правда, наиболее отличившимся центральная власть присваивала статус «дворяне или дети боярские московского списка», то есть приравнивала к российским провинциальным дворянам с правом иметь населенные земли и заводить поместья. Остальные назывались так же, но считались в «сибирском списке», что означало только почетное звание. Рядовые же казаки по своему имущественному положению и хозяйственным занятиям были близки к крестьянам и посадским людям, хотя и не платили прямых налогов.

Предки красноярских Суриковых–Торгашиных XVII — начала XVIII века

В происхождении рода Суриковых, казалось, не было сомнений: были они из донских казаков. Правда, назывались разные станицы. Биограф В.И. Сурикова М.Г. Машковцев с 1960 года писал об Урюпинской и Усть-Медведицкой, а на сайте «Южный берег» — Верхне-Ягирской и Кундрюченской, в которых еще в начале XX века жили казаки Суриковы. Сам Василий Иванович не возражал, что его род вышел из донских казаков. В 1893 году он с дочкой Ольгой ездил на Дон. Правда,

для сбора материала для картины «Покорение Сибири», но почему-то в станице Раздорской.

Утверждалось также, правда, без доказательств, что был есаул Суриков, который в Сибирь пришел с Ермаком, а позже, в 1622 году, Суриковы якобы основали Красноярск. Но краевед Л. В. Безъязыков, установивший имена личного состава первого гарнизона Красноярска на основе архивных материалов, ни одного Сурикова не называет. За год до смерти Василий Иванович утверждал, что его роду «более 200 лет». Однако архивные материалы свидетельствуют, что Суриковы только с конца XVII века упоминаются в связи с Красноярской шатостью 1695–1698 годов.

Обычно во всех искусствоведческих и общих биографиях В. И. Сурикова его родословную сводят к ближним родственникам, начиная с деда, в первую очередь к тем, кого он так или иначе упоминал. Живший в Красноярске архивист С. Н. Мамеев по заявке Третьяковской галереи в 1930-х годах пытался составить полную родословную всех красноярских Суриковых и их родственного окружения. Кроме не совсем правильной выборки по прямой линии предков Василия Ивановича от его работы остались трудно читаемые черновые выписки, отложившиеся в местном архиве. По существу, только сейчас читателю предлагается первая научная родословная красноярских Суриковых от XVII до начала XX века.

Против в принципе реальной версии о донских корнях есть несколько «но». С Ермаком Суриковы не приходили. Донские казаки, всего до тысячи человек, временно посылались на пограничную южносибирскую линию только в 1750-х годах, и они все вернулись. Наконец, дончаки относятся к южнорусскому антропологическому типу, чего не скажешь о Суриковых.

В Красноярске Суриковы появились после подворной переписи 1671 года в связи с самым серьезным нападением енисейских киргизов и джунгар на Красноярский острог в июле — сентябре 1679 года. Тогда город-крепость чуть не погиб, было сожжено 16 деревень, а отряды киргизов разоряли даже нижнеангарские деревни³. Пополняли поредевший красноярский гарнизон обычно из Енисейска, ставшего разрядным городом. Кстати, внучка Василия Ивановича считала, что Суриковы прибыли из Енисейска⁴, правда, после каких событий, непонятно, но явно не после волнений енисейцев в 1634 году против воеводы Ошанина.

За 10–15 лет до самого крупного в Сибири XVII века вооруженного восстания против местных воевод — знаменитой Красноярской шатости — первые Суриковы обжились своими дворами в городе. Братья — казачий десятник Илья и казак Петр (Мамеев почему-то считает их отцом с сыном), а также, очевидно, Иван, стали заметными

- 3 | Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 98
- 4 | Кончаловская Н. П. Дар бесценный. М.: Детская литература, 1969. С. 6

*В.И. Суриков.
Красноярский бунт, 1695–1698 гг.
(эскиз)*

5 | Огноблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг. (К истории народных движений XVII века) // ЖМНП, 1901. 47 с.

участниками этих событий. Из работы известного архивиста, крупного знатока Сибири XVII века Н.Н. Огноблина видно, что братья не сразу, как и многие красноярцы, определились, на чьей стороне выступать. В отличие от Петра Ильи подчинился законной власти в лице воеводы Дурнево (все-таки малый, но начальник). Правда, от активных действий против заговорщиков он воздерживался, ведь брат на втором этапе движения в 1697 году стал одним из руководителей восстания, в его доме разрабатывался план военной расправы с Дурново и его сторонниками, засевающими в малом остроге⁵.

Нет сведений, что Суриковы, в первую очередь 38-летний Петр, пострадали за участие в шатости. Сказались их семейный в отношении власти раскол, да и умная политика первого воеводы Петра Саввича Мусина-Пушкина, вставшего на сторону красноярцев, а не корыстных и жестоких братьев-воевод А. и М. Башковских и С. Дурново.

Последующие десятилетия традиционной жизни сибирского казачества, до крутых перемен 1724–1728 годов, были бурными для Красноярского казачьего войска. Они участвовали после частичного увода джунгарами обитателей «Киргизской земли» в военно-карательных походах 1704–1705 годов против оставшихся князей енисейских киргизов, ставили в 1707 году Абаканский и в 1717–1718 годах — Саянский остроги.

Не стояли они в стороне во время очередной, второй Красноярской шатости, в 1717–1720 годах, когда казаки, посадские, крестьяне и ясачные люди города и уезда вновь отказались подчиняться воеводе Зубову за многие его «неправды». Так, Петр Суриков вместе с главным руководителем движения, своим братом дворянином Ильей Нашивошниковым — Суриковым, как показал на допросе 3 декабря 1718 года пеший казак Андрей Пушкарев, посылал письмо гарнизону Абаканского острога с призывом присоединиться к ним. Интересно, что и в этот раз на действия красноярцев вновь не последовали карательные меры. В конце XVII века молодой Петр I, побывавший за границей, ставил под сомнение законность действий старомосковской администрации. Во второй раз следствие и расправа с первым сибирским губернатором Н. Гагариным отодвинули на задний план крамолу Красноярска. Правда, как и прежде, спустя несколько лет, зачинщиков из казаков специально переводили служить с семьями в отдаленные остроги Забайкалья. По косвенным данным, кто-то из Суриковых пострадал⁶.

Речь идет, в первую очередь, о подворной Ландратской переписи 1713 года, подушной переписи 1720 года. К сожалению, обе, особенно подворная, в плохой сохранности. По ним удалось установить, что серьезных изменений в жизни сибирского казачества до 1728 года не было. В Красноярске, по первой переписи, было три двора Суриковых: отставного казака Григория Сурикова, родившегося в 1650 году, пешего казака Петра и их родного брата, сына боярского Ильи Нашивошникова, у которого сменили прежнюю фамилию Суриков.

6 | История Красноярска : Документы и материалы XVII – первой половины XIX века. 2-е изд. Красноярск : Офсет, 2000. Ч. 1. Документ № 38. С. 157

60-летний Петр жил отдельным двором со своими тремя взрослыми уже сыновьями: Михаилом 28 лет, Василием 19 лет и Алексеем 17 лет. Интересно, что «сказку» не владеющего письмом Петра по его просьбе подписал какой-то Суриков. Его имя, возможно, с отчеством, оказалось неразборчивым: осталась только последняя буква «В», возможно, это было «Иван».

В повседневной жизни Илью нередко называли по-прежнему Суриков. Так, немецкий ученый на русской службе Д.Г. Мессершмидт

[123]

Двор пешего казака Петра Сурикова. И под опасением [смер]тные казни сказал, что он, Петр, — шестидесяти лет. Де[тей] у него: сын Михайло — дватцати восьми лет, Василий — [девят]натцати лет, Алексей — семьнатцати лет, две[...] лет. А буде он, Петр, сказал что ложно и за такую [ложную] [скаску] указал бы Великий Государь казнить смертью. [...] [...] по велению по [...] его Петра Сурикова [...] [...] в Суриков руку приложил.

[196]

Двор дворянина Илья Нашивошникова. И он, Илья, под опасением смертные казни сказал: он, Илья, — пятидесяти шести лет. Детей у него: Иван — двадцати семи лет, Федор — четырнадцати лет. Дворовых людей крепосных: Осип — 20 л., Л[ео]нт ей 30 л. и закладной [человек] Игнатей 14 л. У Ивана сын Петр — тринадцати недель, дворовой ? 35 л. Сын у кего Семен 4 г.... К сей ск[аске по] велению отца своего Илья Нашивошникова [сын его] Федор Нашивошников руку приложил.

РГАДА (Российский государственный архив древних актов, Москва). Ч. 350. Оп. 3. Д. 5537. Л. 14–15.

сообщает о семье дворянина Илья Сурикове и его сыне Иване, в которой он жил несколько месяцев в 1722–1723 годах. Прибывшего 25 февраля 1722 года в Красноярск ученого отвели на постой в дом сибирского дворянина Илья Сурикова. С ним и его сыном он часто беседовал через переводчиков и в дорожном дневнике иногда это отмечал. Например, что «сын хозяина Иван набирает рекрутов в Абаканском остроге», то есть Илья был ценным информатором для ученого, собиравшего, по условиям контракта с самим Петром I, комплексные материалы о растительном и животном мире, жизни и нравах русского ясачного населения Сибири. Будучи канцеляристом в воеводской канцелярии, И.И. Суриков вел корреспонденцию ученого, прожившего две зимы 1722 и 1723 годов в Красноярске. В путевом дневнике спутник ученого пленный шведский капитан Ф.И. Табберт (Страленберг) записал 2 апреля 1722 года: «...сегодня он (Д.Г. Мессершмидт.— Г.Б.) закончил... ответ в Тобольск и письмо

г. Блументросту (президенту Медицинской коллегии, которому подчинялся Д. Г. Мессершмидт. — Г.Б.). Письмо написал Иван Суриков, а слуга Петер и приданный ученому драгун Михаил несли письмо вместе с донесением воеводе»⁸.

Прародителем Прасковьи Федоровны Торгашиной был Петр, о нем ничего не известно. Его сын, пеший, затем конный казак «Яков Петров Торгоша», служил в Красноярском остроге еще с 1629 года и входил в первый пополненный его гарнизон. Возможно, он, как и енисейский казак, устюжанин Иван Григорьев Торгашин, был выходцем из Русского Поморья. Он и остальные по прямой линии предки Прасковьи Федоровны, все 9 колен, жили в одноименной деревне, с 1822 года — «станции», основанной ставшим уже десятником конных казаков Яковом в 1645 году. Вопреки расхожему мнению, на котором упорно настаивал сам художник, по матери он происходил не из казачьей, а из пяти ближних колен крестьянской ветви Торгашиных, начиная с прапрадеда Андрея Константиновича, записанного из казачьего сына в крестьяне.

Тремя дворами жили, по первой переписи, конные казаки Торгашины. В. Торгашин был среди тех выборных, что в светлице воеводских хором 8 августа 1698 года вручали письменный отказ от воеводства Дурново, и участвовал в его позорном изгнании из города.

По первой переписи, конный казак Роман Торгашин 50 лет показал у себя сыновей Михаила, Константина и Данилу — 24, 22 и 9 лет соответственно — и 4-летнего внука Андрея. Старшие сыновья тоже были конными казаками. Тридцатипятилетний Константин Торгашин имел только двухлетнего сына Андрея же. Данило Торгашин жил отдельно, хотя ему было 17 лет. Он не был в штатной службе, поэтому назван «казачьим сыном». Возможно, это и был двор его отца, члена казачьей старшины, не внесенного поэтому в подушные списки.

Новая налоговая система, введенная Петром I, оказалась чреватой негативными для казачества последствиями. С нее начинался период, который до новой казачьей реформы, проведенной генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанским, оказался самым тяжелым в истории

[891]

Двор конного казака Костентина Торгошина. Под опасением смертные казни сказал: он, Констентин, — тридцати пяти лет. Сын Андрей — двух лет. А буде он, Констентин, сказал что ложно, и за такую ложную скаску указал бы Великий Государь казнить смертью. К сей скаске по велению Костенкина Торгошина Алексей Иконников руку проложил.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 1601. Л. 109.

сибирского казачества. Была даже опасность их растворения в регулярных подразделениях и исчезновения как сословия.

В Западной Европе с XVI века шла революция в военном деле. Бурное развитие огнестрельного оружия привело к появлению регулярной профессиональной армии и флота, коренному изменению тактики и стратегии. Петр I энергично создавал новую армию, справедливо считал стрельцов и казаков анахронизмом. Первых в молодые годы он боялся и ненавидел, ведь на его глазах они подняли на пики родных братьев матери Натальи Кирилловны Нарышкиной. Казачество с его вольностями, волнениями в Астрахани и казачьим восстанием во главе с Кондратом Булавиным тоже плохо вписывалось в создаваемое им «регулярное государство».

Мало того, в Сибири из-за казаков процент неподатного населения оказался необычно большим — до 30 процентов, в то время как во всей России — лишь около 1 процента. Это было недопустимо в условиях огромных расходов на длительную Северную войну 1700–1721 годов и на другие реформы. Новая система налогообложения стала удобным средством исправления этого алогичного, с точки зрения верховной власти, положения. Единицей обложения стал не двор, а душа мужского пола «от младенцев до сущих стариков». За убылых душ должны были платить члены общины «соопча раскладкой» до новой переписи, которая их исключала и вносила вновь родившихся. Неподатными оставались дворяне, военные, приказные и духовенство.

Перепись населения 1718–1720 годов и ее проверка-ревизия 1722–1723 годов стали основой не только налогообложения, но и свидетельством сословной принадлежности, так как впервые внесли в оклад холопов-дворовых, однодворцев из служилых по прибору, гулящих людей и часть казаков. Петр I, несмотря на нелюбовь к казачеству, все же понимал, что в условиях России только казаки с малыми затратами на них могли обеспечить минимум безопасности страны в приграничных территориях и решать задачи публичного и эксплуататорского порядка на ее окраинах. Однако их штаты сократили примерно на 30 процентов. В Красноярском казачьем войске из 849 осталось лишь 730 верстанных.

Причем вначале местные сибирские власти, в том числе в Красноярске, внесли в подушные списки даже всех штатных рядовых казаков, вместе с их командной верхушкой. При этом они перусердствовали и детей верстанных казаков тоже внесли в подушные списки, и за них стали взимать ежегодно по 70 копеек подушных и 40 копеек оброчных денег. Это вызвало массовый протест, и в 1728 году детей исключили из списков. Однако в потенции верстанные казаки потомственно все же не оставались в своем сословии, так как при отставке или при физической непригодности детей к службе всех, в том числе из командной верхушки, переводили в тяглые сословия. Таким образом, казачество Сибири превращалось в чисто функциональную группу с постоянно меняющимся личным составом,

Петр I Великий, первый российский император.

Рисунок В.И. Сурикова

потомственно не воспроизводящую себя даже на командном уровне. Петр I отменил «московский список», за отличие и рядовых казаков, и отставных офицеров регулярных частей, как и их детей, записывали в эти звания.

Казачьему роду нет переводу

Правда, на штатной казачьей службе прежние почетные звания потомственных дворян и детей боярских сохранялись до конца века и передавались обычно от отца к сыну. В Красноярске дворянами и детьми боярскими в XVIII веке служили представители 15–20 семей, в том числе отдельные Суриковы-Нашивошниковы, Торгашины, Елисеевы, Дардаевы, Терентьевы, Цыренщиковы, Замятнины, Иконниковы, Красиковы, Толщины, Жаровы, Юшковы, Таракановские. В 1722 году им принадлежало 17 дворов, в 1769-м — 18, а в 1784-м — 12. Некоторые, в том числе Суриковы, утратили эти звания.

Как и в XVII веке, сибирские дворяне и дети боярские обычно выступали низшей администрацией: в крестьянских волостях-приисудах они были приказчиками и комиссарами, на границе ведали караулами, на таможнях отвечали за исправный сбор торговых пошлин, в ясачных волостях собирали ясак, а в казенных деревнях, населенных ссыльными, являлись посельщиками-смотрителями. Знающие грамоту сидели в канцеляриях, иногда десятками лет дожидаясь чиновничьей вакансии. С 1780-х годов из-за отсутствия дворян-чиновников из казачьей верхушки стали назначать дворянских заседателей в уездные учреждения, а также почтмейстеров и казначеев, присваивая им первые классные чины — ранги. По военному ведомству статус личных дворян они получили позже, уже в XIX веке, через присвоение особых казачьих офицерских чинов хорунжего и есаула.

В целом отрыв казачьей верхушки от рядовой массы служилых людей в течение XVIII века принимал все явственней классово-антагонистический характер, хотя старые сословно-корпоративные рамки с 1787 года стали сохраняться лучше. Казачество все больше превращалось в замкнутую служилую корпорацию. По-прежнему живя в городе и уезде, красноярские казаки составляли одну общую организацию общинного типа. Служилые регулярно собирались на свои казачьи круги, ежегодно распределяли между собой разные службы: ясачный сбор, таможню, годовую службу, сопровождение казенных грузов, караулы при учреждениях, на винокурнях, заводах, мельницах и так далее. Причиненный казне материальный ущерб мог возмещаться сообща. Казачий круг распоряжался общим и выморочным имуществом, свободными сельскохозяйственными угодьями, отведенными казакам. Выбираемый казачий голова утверждался воеводой и подчинялся ему. Казачьи дети, пройдя специальную подготовку

Тип сибирского казака XVII–XIX вв. Эскиз для одной из центральных фигур картины В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Изображен дядя со стороны матери из семьи потомственных казаков Торгашиных

у выбранных для этих целей отставных детей боярских, заступали на места и оклады своих отцов.

Казачи по-прежнему не платили подушных денег и получали казенное жалованье. Их административно-полицейские функции, особенно у живших в городах, с ростом населения расширялись. При этом в связи с мерами по укреплению южносибирских границ в Красноярской казачьей команде, как и во многих других уездных командах, стали различать пограничных и городских казаков. Первых специализировали на караульной службе по «Абаканской границе». Им разрешили переселяться в соседние с ней районы. Находившиеся же в городе и ближней к ней округе городские казаки все реже использовались в качестве иррегулярных войск. По сохранившемуся до наших дней «Списку послужному Красноярской казачьей команде старшинам и казакам, не способным к службе», составленному 29 ноября 1794 года комендантом Алексеем Кутаевским, можно судить об условиях и содержании служб 52 красноярских казаков. Средний возраст отслуживших казаков (при максимуме 77 лет и минимуме 24 года) составлял 58,6 года, из них 39 лет (при максимуме 59 и минимуме 6 лет) было отдано службе, то есть каждый казак начинал служить в 19,6 года (при максимуме 61 и минимуме 9 лет). Все они по происхождению были местными казачьими детьми. Исключение составлял 67-летний Осип Войцеховский «из польских конфедератов», внесенный в казачьи списки 44-летним в 1771 году. Он был неграмотен, ростом 2 аршина и 7 вершков, лицом бел, светлорус и сероглаз. Последние 13 лет находился «при Ирбинском заводе в карауле» и по причине глухоты и «слабости корпуса» попросился в отставку, собираясь жить в Красноярске на «собственном своем пропитании».

Уровень грамотности казаков был выше, чем у тяглых горожан, составляя более 10 процентов (6 из 52 человек). Каждый второй (22 из 52) из них являлся счетчиком, вахтуром, делал казенные закупки продовольствия и разных припасов, что предполагает наличие у них элементов грамотности и устного счета. Больше половины казаков (всего 29) побывали в дальних посылках за пределами своего уезда, в том числе на Колыванской военной линии на Алтае (от 10 лет до года), на Иртышской, Кузнецкой и Нижнеудинской границах, в Тобольске и Иркутске, на Нерчинских горных заводах. Лишь каждый пятый служил в самом Красноярске.

О тяготах казачьей службы свидетельствуют и мотивы отставки. Из-за различных болезней служебно непригодными оказалось больше казаков, нежели из-за старости (соответственно 28 и 24), причем у 14 «старых и дряхлых» возрастные недуги сопровождалась благоприобретенными болезнями или увечьями. Довольно высоким был удельный вес покалеченных (10 из 52), в основном от «конского бою». Среди болезней чаще всего встречаются глазные (10 человек «глазами тупы и слепы»); внутренние («нутряная болезнь», чахотка, душье); недуги простудные (ломота в ногах и руках, шум в голове,

*Казачий офицер.
Рисунок Д.А. Аткинсона*

Рядовые штатных команд Иркутского и Кольванского наместничеств. Из книги «Описание одежды и вооружения Российских войск 862–1855 гг.»

пальцы свело и т.п.), а также цинга, кила, «слабость корпуса», падучая, венерическая болезнь.

Тяготы службы неблагоприятно сказывались и на семейной жизни красноярских казаков. По «Формулярному списку Красноярской казачьей команды о старшинах за 1794 г.», составленному «казачьим головой армии прапорщиком Иваном Ярцевым», из 39 человек со средним возрастом 36 лет и стажем службы 19 лет были женатыми 32. Судя по среднему возрасту сыновей (7,5 года), браки были сравнительно поздними — в 27–28 лет. Эта сказалося на довольно высоком удельном весе бездетных (11 из 32) и малом числе детей — всего 20 сыновей и 36 дочерей. Таким образом, эта группа казаков демографически себя не воспроизводила.

Рядовые казаки, как обычно, занимались производительным трудом: держали скот, огороды, плотничали, кузнечили, гнали деготь, столярничали, шили одежду, обувь, нанимались «в разные работы» в свободное от службы время к купцам и местным классным чиновникам. О близости к труженикам свидетельствуют и родственные связи казаков. Так,

в 1794 году даже у старшин Красноярской казачьей городской команды (у 3 атаманов, 10 сотников, 15 пятидесятников, урядника, «подпрапорного» — знаменосца и 9 капралов) почти все жены были тяглового происхождения; у 15 — отцы из крестьян, у 5 — из мещан, у 10 — из казаков и у двух — отставной солдат и ясачный. В XVIII веке правительство серьезно ограничило их общий статус.

С другой стороны, правительство так невысоко его ставило, что более 70 лет (с 1721 по 1797 год) допускало двойную сословную принадлежность тех сибирских казаков, которые добровольно вступали в службу, будучи по происхождению тяглецами. По роду занятий и жалованью они считались казаками, но одновременно числились в податных и несли тягло крестьянина или посадского.

Довольно невысоко оценивали служебный статус казачьей старшины. Хотя за служебную заслугу им стали давать небольшие классные чины по военному или гражданскому ведомству, но жалованье им обычно оставляли прежнее, казачье, которое было во много раз меньше.

Местные власти и Сенат до XIX века не признавали за казачьей старшиной в классных чинах даже лично-дворянского права. Служебный статус казачества Сибири характеризовался противоречивыми признаками, что свидетельствовало о незрелости их общей сословной организации, слабой вычлененности казаков из трудовых слоев населения. Более четко их положение было определено реформой М. М. Сперанского.

Солдаты регулярных частей в Сибири по своему положению были близки к рядовым казакам. Из-за приграничного положения и сравнительной дешевизны хлеба в Красноярске с конца 1730-х годов разместили третью роту Сибирского «новоучрежденного драгунского» гарнизонного полка, в основном набранного не из обычных рекрутов, а из местных неверстанных казачьих детей и даже штатных казаков. В 1750-е годы ее заменила седьмая полевая драгунская команда, введенная в 1770-е годы на забайкальскую границу. С 1764 года, когда учредили городские военные команды из негодных к полевой и гарнизонной службе солдат, в Красноярск ввели третью роту Томского гарнизонного полка, которая простояла в городе до конца столетия. Убыль в ней восполнялась местными рекрутами и казаками, поэтому фамилии многих унтер-офицеров и рядовых были старожильческими (Чанчиков, Суриков, Шошин, Замятин, Ермолаев, Торгашин, Потылицын, Ковригин, Муруев, Иконников, Кобяков, Пьянов, Калашников, Путимцев, Скварский, Лалетин, Ошаров). Офицеры и некоторые солдаты имели свои дворы, семьи и участвовали в хозяйственной жизни города. Известно, например, что солдаты за плату нанимались для различных работ к городским властям и просто местным жителям. Так, 26 мая 1784 года солдат Никита Шибанов починил за 15 копеек печь в магистрате, а солдат Иван Ошаров продал «казенке» кабаку дверные крючья и петли за 75 копеек.

Каждый солдат в принципе должен был пройти следующие ступени своего армейского, а значит, и жизненного пути: полевые полки; гарнизонные полки (с 1764 года — гарнизонные батальоны); присутственные места гражданских ведомств (сторожа, рассыльщики и т.д.) или поселение; увольнение «на собственное пропитание» или содержание в монастыре и богадельне, а с 1764 года — нахождение в инвалидной команде. Эта разработанная в основном Петром I система была ориентирована на максимальное использование личного состава армии. Дело не менялось из-за того, что в Сибири вместо «инвалидных команд» ввели «штатные городские команды» или роты на правах гарнизонных частей.

В прямом своем качестве (как военная сила) размещенные в Красноярске регулярные части практически не использовались. Многие из личного состава занимались только обеспечением своей части продовольствием, фуражом и починкой амуниции. В 1718–1762 годах видное место составляли обязанности по сбору подушных денег, борьбе с побегами и утайкой от обложения. Солдаты также участвовали в сборе различных окладных и неокладных сумм по уезду, контроле выборных посадских целовальников на таможах. Довольно широко военные чины, особенно офицеры, привлекались в административно-управленческих и хозяйственно-организаторских целях. В 1763–1783 годах, кроме замещения воевод, офицеры были экономическими казначеями у бывших монастырских крестьян края, а с 1780-х годов они встречаются среди надзирателей, или «посельщичьих смотрителей», в селениях крепостных, сосланных в зачет рекрутов.

*Гарнизонный солдат.
Изображения мундиров Российско-
Императорского войска, состоящих
из 88 лиц иллюстрированных.
СПб., 1793 г.*

Помимо фискально-финансовых и карательных функций, регулярные части постоянно использовались в охранно-полицейских целях. Гарнизонные солдаты во многом сменили, а с 1764 года — почти везде полностью вытеснили казаков во внутренних городских караулах.

Жалование солдат было настолько скудным, что правительство даже немногочисленных их детей уже с младенческого возраста брало на казенное содержание. Согласно «Инструкции полковнику» 1764 года, солдатским детям в возрасте от двух до шести лет выдавали казенный провиант по четверику (пуду) в месяц и по половине гарнца круп (1 кг) каждому, или же деньгами по местным хлебным ценам. Тогда же с учреждением городских штатных команд вдовам гарнизонных солдат и отставным на пропитание была введена (исходя из общей для страны назначенной пенсионной суммы в 344 тысячи рублей) пожизненная пенсия — 2 рубля в год на себя и 3 рубля на детей. Деньги на содержание детей прекращали выдавать: мальчикам — со времени зачисления их в школы, а девочкам — по достижении ими 12-летнего возраста, после чего, если они не выходили замуж, их следовало отдавать на фабрики.

Живущие при полках вдовы получали на детей с двухлетнего возраста по четверику хлеба ежемесячно. В школы, сначала цифирные, а с 1732 года — полковые или гарнизонные, отдавали с семилетнего возраста, а сирот, по указу 1761 года, раньше, как не имеющих пропитания. По штатам 1731 года в первый год, «по вступлении в науку, пока изучают букварь и заповеди», школьник получал 1 рубль 35 копеек жалованья; затем, «по вступлении в письменную науку, и которые складывают писать будут, и обучаются петь, и арифметике, и музыке, и слесарному мастерству, и писарской должности», жалование увеличивалось до 1 рубля 59 копеек; наконец, «которые по окончании арифметики будут обучаться геометрии и фортификации», те получали 2 рубля 7 копеек. Кроме того, на каждого школьника отпускали ежемесячно муки по 2 четверика, круп — по 1/8 доли четверика и соли по 2 фунта. Одежда и обувь тоже были казенные: раз в три года был положен мундир в виде кафтана из сермяжного сукна с красными обшлагами и роговыми пуговицами, крытая суровым полотном овчинная шуба, штаны толстого парусного сурового полотна, круглая красная суконная шапка с черным околышем и овчинным низом с нашитыми соответственно классу цветными кистями. Ежегодно на галстуки отпускались материя и деньги (3 копейки), две холстинные рубахи и двое портов, а также две пары башмаков с пряжками и две пары чулок. Обучающимся в третьем классе «в прибавок» отпускалось красное сукно на воротник к кафтану.

Обучение детей солдат, как, впрочем, и других чинов, было обязательным. Так, именным указом от 3 сентября 1736 года под угрозой уплаты 100 рублей штрафа было объявлено, чтобы «офицерские, дворянские, солдатские и прочих чинов людей дети от семи лет и выше... явились (до 1 января 1737 г.— Г.Б.), и годные — в службу, а малолетние — в школы поступали».

По указу Петра I в 1721 году в каждом гарнизонном полку устанавливалось 50 вакансий для солдатских детей, которых зачисляли в цифирные школы. Полковые школы, согласно указу от 2 сентября 1732 года, наполнялись уже из расчета 8 учеников на роту и 64 — на полк. С июля 1735 года разрешили принимать сверхкомплектных учеников, отпуская на каждого по четвертику муки в месяц и 30 копеек денег, а в 1744 году цифирные школы слили с гарнизонными, разрешив обучаться в них всем желающим на своем содержании.

По новым штатам 1764 года каждая гарнизонная школа полка имела по-прежнему 50 вакансий, но из них 14 резервировались для офицерских, а остальные — для солдатских детей. Дети солдат, а со второй половины XVIII века — и казаков Приенисейского края, обучались в Тобольской и Томской гарнизонных школах.

Эта система ведомственного обучения детей личного состава вооруженных сил страны со второй половины XVIII века обеспечивала российскую регулярную армию хорошо подготовленным унтер-офицерским составом⁹.

Новшества сильно задели приенисейское казачество, тем более что мирная жизнь навсегда пришла на берега Енисея.

Всех заштатных вместе с отставными и казачатами внесли под названием «разночинцы» в налоговые списки. Так Петр I «отблагодарил» «государеву служилую рать», как именовали себя сибирские казаки, за приобретение богатейшей зауральской страны. Оставляли на службе, в первую очередь по физической пригодности, старинных, служивших в трех и более поколениях. Прочих, особенно недавно поверстанных из посадских и крестьян, исключали первыми, записывая в прежнее сословие. Это основательно задело енисейских и красноярских казаков, в ряды которых включили более 300 человек в связи со строительством двух острогов на юге края. Недавние казаки, особенно из командной верхушки, долго не могли смириться с утратой своего престижного статуса и упорно именовали себя по-старому. Так, отвечавший за почтовое сообщение в сторону Томска Лев Суриков в 1740 году именовал себя в рапорте в Красноярскую воеводскую канцелярию: «неверстанный казачий сын красноярский разночинец». Интересно, что он еще в 1764 году считался казачьим сыном.

Стать на «убылое место» разночинцу — бывшему казаку официально было почти невозможно. Исключать из «тягла», то есть освободить от денежных платежей и натуральных повинностей, могла лишь верховная власть. Так, 26 июля 1734 года «красноярский неверстанный сын боярский Иван Суриков младший» (внук Григория) просил о приверстании его в пешие казаки «на место Бориса Трошина, понеже он скорбен... в канцелярию подавал прошение об отставке, и желает он, Трошин, вместо онаго Сурикова платить подушные деньги». Помета на прошении не оставляла надежд: в службу не определять «понеже ис подушного платежа в службу писать не велено»¹⁰.

Ситуация в этом плане, казалось, возникала тупиковая: на законных основаниях верстать некого — дважды в одну реку нельзя войти,

9 Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом: XVII—XIX века. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990. С. 60–70.

10 РГАДА. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 65. Л. 66 об.

а службу исполнять необходимо. Артельная казачья организация «войсковой круг» выход нашла простой. На деньги с освободившихся мест нанимали в службу желающих разночинцев. Последние, продолжая платить прежнее тягло, функционально были казаками. Такой разрыв между общим сословным статусом и функциональным был не редкостью, в том числе и у духовенства, когда приходская община платила миром раскладкой за тяглеца, выбранного от нее в члены клира. Аналогичная ситуация возникала с низшими канцелярскими служащими (пищиками, подповытчиками, повытчиками, копиистами, подканцеляристами) с петровского времени. Из-за острой нехватки грамотных людей местные власти брали на службу лиц из налогоплательщиков, не имея права снять их с тягла. Платили же им из штатных сумм, положенных на так называемые затабельные должности. При этом охотнее брали, да и шли, на канцелярские работы те, кто родился между переписями и поэтому нигде не был записан. Интервалы между переписями были в среднем 20 лет, в XVIII веке провели пять переписей. В этом случае у грамотного толкового молодого человека был шанс попасть в сословие «приказных людей», то есть в штат «затабельных чинов», которые не были тяглецами и обязаны потомственно нести канцелярскую службу, из которой можно было попасть, заслужив 14-й класс Табели о рангах, в личное, а с получением 8-го класса — потомственное дворянство. Такая местная практика делала грамотность очень привлекательной для честолюбивых сибиряков и их креативных детей.

Этим путем пошел один из предков Василия Ивановича — сын внука Григория, Иван-старший (родился в 1709 году), его сын Петр Иванович и внук Петр Петрович (родословная I).

Записанный с братьями в оклад тяглый, он как грамотный был взят в Красноярскую воеводскую канцелярию пищиком, затем в 1734 году его видим подповытчиком, а в следующем году уже главой самого ответственного из трех столов «повытий» — денежного. Ему сдавали «счетчики» деньги за таможенные сборы, за продажу таможенных и иных казенных товаров, он вел учет поступавшего ясака. Вместе с помощником-подвытчиком регистрировал входящие и исходящие документы в канцелярии¹¹.

Сын Петр, родившийся в 1740 году, успешно продолжил дело отца, стал канцеляристом, но числился по-прежнему в тягле. И только во время третьей переписи и ревизии ее встал вопрос о снятии двойного сословного статуса с делового чиновника. Представление об этом ушло в Тобольск, а оттуда в столицу. Через два года, в 1765 году, из Енисейска сообщили, что «красноярского городского разночинца Петра Ивановича Сурикова» записали из канцеляристов в дворяне и поэтому исключили из подушных списков¹².

Так один из правнуков казака Григория вернул родовой свой статус, ибо его отец был сыном боярским, судя по тому, что его младший брат Иван именовал себя именно так. Однако он и средний брат Федор оказались в конечном итоге крестьянами, и от Федора пошла одна из ветвей податных Суриковых. Жена Петра Петровича Ирина

11 | РГАДА. Ф. 1019.
Оп. 1. Д. 65. Л. 90.

12 | РГАДА. Ф. 350.
Оп. 3. Д. 1659. Л. 209 об.